

УДК 069.15

Н. Г. Самарина

МУЗЕЙНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Теория музейной коммуникации разрабатывается в междисциплинарных рамках, на основе существенно различающихся методологических подходов, в рамках разных научных дисциплин (психология, семиотика, лингвистика, теория информации, культурология, источниковедение, музееведение) параллельно, почти не пересекаясь. Рост числа исследований не оказывает существенного влияния на состояние изученности проблемы, которое по-прежнему характеризуется разрозненностью, фрагментарностью и отсутствием единого понимания предмета и метода.

В 2000-х гг. проблемы культурной и музейной коммуникации поднимались в работах М. Б. Гнедовского, В. Ю. Дукельского, М. Е. Каулен, Н. А. Никишина, Б. Б. Пономарева, С. В. Пшеничной, Н. Г. Самариной, О. С. Сапанжа и др. Состояние изученности проблемы требует выработки интердисциплинарной методологической основы, критериев оценки эффективности коммуникативных актов и коммуникации в целом и внедрения этих критериев в музейную практику.

Обозначившиеся в научных исследованиях подходы к теории коммуникации позволяют следующим образом сформулировать понятие музейной коммуникации¹. *Музейная коммуникация – это процесс общения музейной аудитории с культурным наследием, аккумулирующим опыт материальной деятельности, духовных исканий и традиционную культуру, как отдельного этноса, так и человечества в целом.* В качестве коммуникаторов выступают источник (музейный предмет) и познающий (переживающий прошлое) субъект. Каналы коммуникации носят по преимуществу невербальный характер, что затрудняет коммуникативный акт, т.е. адекватное восприятие, понимание и интерпретацию субъектом заключенной в источнике социокультурной информации. Существенную роль в коммуникативном акте играют посредники – профессиональные интерпретаторы источников. Интерпретация осуществляется на всех этапах бытования музейного предмета: отбор на хранение (комплектование), описание и атрибуция в ходе фондовой работы, установление полноты, достоверности и точности заключенной в источнике информации, отбор предмета в ходе музейного проектирования, его научная и архитектурно-художественная интерпретация, зафиксированная как в самом экспозиционном решении, так и в этикетаже (экспликациях).

В соответствии с трактовкой музея как социокультурного института, зафиксированной в уставе Международного совета музеев (ИКОМ) и в современном российском законодательстве, целью музейной коммуникации является изучение «материальных свидетельств о человеке и его среде обитания», образование музейной аудитории и удовлетворение духовных потребностей людей. Сложность процесса музейной коммуникации подразумевает различные *классификации*, способные упорядочить это понятие. Наиболее

¹ Самарина Н. Г. Вербальные и невербальные аспекты музейной коммуникации // Обработка текста и когнитивные технологии: Труды VIII Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике»: Варна. Казань, 2006. Т. 1. С. 173-184.

полной и обоснованной представляется классификация, исходящая из *функций* музейной коммуникации, выделяемых по критерию цели:

когнитивная функция – формирование представлений о социокультурной действительности, образов прошлого в общественном сознании, реконструкция исторической действительности методами гуманитарных наук;

информационная функция – передача сообщений о фактах социокультурной действительности источником или воплощение в нем того или иного факта;

функция понимания – адекватное восприятие и понимание смысла сообщения;

эмотивная функция – эмоциональное переживание событий прошлого, а также эмоциональное восприятие формы и содержания музейного предмета;

побудительная функция – стимуляция активности субъекта к познавательной, охранной, научной, творческой и иным видам деятельности;

идеологическая функция – формирование ценностных ориентаций, изменение состояния, поведения музейной аудитории, граждан государства.

Получившая распространение в психологии *аналитическая модель* позволяет интерпретировать коммуникативный акт с учетом участия в нем профессиональных интерпретаторов историко-культурных объектов (посредников). Модель включает три стороны процесса музейной коммуникации:

Перцептивная сторона – процесс восприятия музейного предмета (источника) и, посредством его интерпретации, восприятия социокультурной действительности.

Коммуникативная сторона – использование вербальных и невербальных каналов коммуникации. Владение невербальными каналами подразумевает предварительную профессиональную подготовку субъекта. В условиях ее отсутствия межличностное общение музейной аудитории и музейных сотрудников по поводу заключенной в источнике социокультурной информации становится органической составляющей процесса музейной коммуникации.

Интерактивная сторона – взаимодействие субъектов и профессиональных интерпретаторов, предполагающее определенные формы организации совместной деятельности (экскурсия, лекция, игра, праздник, экспедиция, исследовательские проекты и т.д.).

Отчетливо прослеживается преобладание невербальных каналов музейной коммуникации над вербальными. Любая коммуникация происходит по поводу музейного предмета (источника). Межличностное общение (музейный педагог – аудитория) подразумевает вербальные средства: дискурс и описание экспоната. Любая другая форма общения – переживание, понимание, интерпретация, – подразумевают уже невербальные средства, поскольку одним из коммуникаторов выступает музейный предмет (источник) или прошлое.

Согласимся с точкой зрения Н. Винера, что коммуникативный акт не является привилегией «живых индивидуумов»², а в качестве коммуникаторов могут выступать культурный феномен или образец, историко-культурный объект или источник, с одной стороны, и познающий (переживающий) явления культуры коллективный или индивидуальный субъект, с другой.

Современная историография только начала рассматривать невербальную коммуникацию в музее. Существуют два различных взгляда на трактовку музейного предмета как коммуникатора. М. Б. Гнедовский видит в музейном предмете знак, символизирующий

² Винер Н. Творец и будущее. М., 2003. С. 53.

представление нашего современника о тех или иных явлениях прошлого. Экспозиционер, художник и посетитель могут придавать предмету любое значение (переозначивать). Таким образом, музейный предмет становится овеществленным воплощением представлений нашего современника о прошлом, что подразумевает полную свободу его интерпретации.

Нам представляется правомерной и более научной трактовка музейного предмета как источника (текста), несущего в фиксированном виде адекватную (аутентичную) информацию о прошлом. В зависимости от способа фиксации информации источники могут быть вещественными, изобразительными, этологическими, фоническими, вербальными, знаковыми.

Научная интерпретация источников, следовательно, фактов и явлений прошлых эпох, основывается на достоверности (аутентичности) и подлинности. В процессе интерпретации музейного предмета познается его содержание, из него извлекается информация. Подлинность – решающая предпосылка вживания–вчувствования современного человека в материальные и идеальные реалии ушедшей от нас действительности. Только подлинные остатки ушедших эпох, особенно мемориальные предметы, вызывают эмоциональные реакции: переживание прошедших событий, сопереживание и сочувствие, ощущение живой связи с предками.

Центральным понятием для осознания этой живой связи человечеством и для интерпретации процесса восприятия исторического опыта учеными стало понятие «культурная (историческая, социальная) память».

На протяжении XX в. представители разных областей гуманитарного знания обращались к проблеме памяти, трактуя ее как живое связующее звено между поколениями, способ передачи и хранения информации, способ переживания и актуализации культурных смыслов³. Культурная память – одновременно и предмет, и форма познания, она существует и в науке, и за ее пределами, в жизни. Соответственно возникают вопросы: как хранится и передается культурно-историческая память? Какие каналы коммуникации – вербальные или невербальные – наиболее эффективны для ее хранения и передачи? Насколько адекватна (аутентична) социальная память по отношению к имевшим место в реальности фактам, событиям, явлениям, процессам? Оперирование категорией памяти ставит перед нами проблему сущностного, а не описательного, восприятия прошлого, следовательно, способствует усовершенствованию методов понимания и интерпретации тех или иных дошедших до нас фрагментов действительности. Не обсуждая понятия культурно-исторической памяти, ранее уже рассматриваемого нами в других публикациях⁴, определим место памяти о прошлом в контексте гуманитарного знания.

Трудно представить себе науку, абстрагирующуюся от времени. «Однако для многих наук, условно дробящих его на искусственно однородные отрезки, оно есть не что иное, как некая мера. Напротив, конкретная и живая действительность, необратимая в своем

³ *Ассман Я.* Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004; *Лотман Ю. М.*: 1) Память культуры // Он же. Семиосфера. СПб., 2004. С. 614-622; 2) Память в культурологическом освещении // Он же. Семиосфера. СПб., 2004. С. 673-676; *Мегилл А.* Историческая эпистемология. М., 2007; *Рикер П.* Память, история, забвение. М., 2004; *Тоффлер Э.* Третья волна. М., 2002; *Эксле О. Г.* Культурная память под воздействием историзма // Одиссей: Человек в истории. М., 2001. С. 176-198; *Федоров Н. Ф.* Музей, его смысл и назначение // Он же. Из философского наследия: музей и культура. М., 1995. С. 16-124.

⁴ *Самарина Н. Г.* Науки о культуре. М., 2010.

стремлении, время истории – это плазма, в которой плавают феномены, это как бы среда, в которой они могут быть поняты»⁵. Любой гуманитарный феномен не может быть объяснен вне времени. В рамках направления социогуманитарных исследований, получившего название *memory studies*, категория памяти рассматривается как культурно-историческая (общечеловеческая и этническая), социальная или коллективная (групповая и семейная), индивидуальная.

По мнению А. Бергсона⁶, человек движется не от настоящего к прошлому, а от прошлого к настоящему. Прошлое не исчезает, оно живет в человеке всегда, а личность непрерывно «синтезируется» из прошлого опыта и новых впечатлений, творит самое себя. Сохранение прошлого говорит о невозможности для сознания дважды пройти через одно и то же состояние. Память предстает интегрирующим моментом сознания, обуславливающим единство и самоидентичность человека. Прошлое всегда сохраняется и прямо или косвенно оказывает постоянное воздействие на сознание и жизнь человека. Таким образом, понятие «культурная (историческая, социальная) память» стало центральным понятием для процесса культурной идентификации человека, осознания и восприятия исторического опыта.

Социальная память изучается в связи с проблемой коллективных идентичностей, выработкой подходов к регулированию и разрешению культурно-исторических конфликтов. Б. Зелицер обозначил шесть аспектов в проблемном поле коллективной памяти: «Это, во-первых, трактовка коллективной памяти как процесса постоянного развертывания, трансформаций и видоизменений; во-вторых, восприятие коллективной памяти как явления непредсказуемого, которое далеко не всегда носит линейный, рациональный, логический характер; в-третьих, коллективная память рассматривается с точки зрения вырабатываемых ею стратегий обращения со временем в интересах тех или иных групп; в-четвертых, память берется в связи с пространством, «местами» и ландшафтами памяти, прослеживается топография социально значимых воспоминаний; в-пятых, коллективная память понимается как избирательная, социально распределенная, потенциально конфликтная; в-шестых, коллективная память видится здесь в «инструменталистской» перспективе, с точки зрения использования ее социальными группами для достижения определенных целей и получения тех или иных выгод и преимуществ»⁷. Таким образом, проблемы изучения социальной памяти представляются актуальными для всего социально-гуманитарного знания.

Одним из эффективных методов гуманитарного исследования, актуализации культурного наследия, его восприятия и сохранения является моделирование. Смысл процедуры моделирования состоит в том, чтобы углубить изучение свойств, функций и развития объекта моделирования. Модель представляет собой абстрагированное выражение сущности объекта моделирования. Если модель адекватно выражает суть исследуемых явлений и процессов, то применение ее корректно, и сущностно-содержательный анализ действительно углубляет изучение объектов моделирования. Модель может иметь естественно-языковую или знаковую форму. Границы эффективного применения моделирования в

⁵ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 8.

⁶ Бергсон А. Собрание сочинений. М., 1992. Т. 2.

⁷ Цит. по: Диалоги со временем: Память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 20-21.

гуманитарных исследованиях определяются как уровнем развития и интеграцией научного знания, так и готовностью ученого-гуманитария к усвоению категорий и методов точных и естественных наук. «Научный и технологический прогресс ставит эпистемологию перед весьма непростой дилеммой: либо она должна скорректировать свои подходы с учетом теоретических достижений когнитивных дисциплин и со временем, весьма возможно, фактически превратиться в один из разделов когнитивной науки, либо, ограничившись традиционными теоретико-познавательными парадигмами, оказаться на периферии когнитивных исследований. Вряд ли стоит и далее тешить себя иллюзиями, что современный философ может сказать нечто глубокомысленное и интригующее о нашем восприятии, мышлении и сознании, о возникновении и эволюции человеческой духовной культуры, о формировании научного познания и т. д., игнорируя общеизвестные экспериментальные данные и теоретические основы новых технологий, доказавших свою бесспорную эффективность в различных областях когнитивной науки, в компьютерной науке, в нейробиологии и молекулярной биологии, в нейрокибернетике и, наконец, в нашей повседневной жизненной практике»⁸.

Построение когнитивных моделей музейной коммуникации целесообразно на основе комплексного критерия: дифференциации по составу коммуникаторов, характеру каналов музейной коммуникации и роли музея как социокультурного института в коммуникативном акте. Предлагаемые нами модели музейной коммуникации строились в два этапа. На первом этапе проводилась типологизация коммуникаторов и каналов коммуникации. На втором этапе коммуникаторы были ранжированы по их значимости для актуализации культурного наследия, аутентичности его восприятия субъектами коммуникации и эффективности коммуникативного акта. Построение моделей основывается на общих свойствах объектов и носит формально-логический характер. «Границы математизации зависят не столько от эпистемологических проблем, сколько от вопросов, связанных с практическим рассуждением и ответственностью. Они приобретают значение там, где математика не только использует свои структуры для развития той или иной теории, но где мы действуем в соответствии с ней»⁹.

Первая когнитивная модель подразумевает передачу социокультурного опыта от предков потомкам. В качестве коммуникаторов выступают историческая действительность как воплощение этого опыта и наши современники. Модель носит линейный характер, поскольку прошлое характеризуется неизменностью и раз и навсегда данностью. Эта модель в наиболее полной мере раскрывает механизм актуализации культурно-исторической памяти. В силу масштабности и невозможности внутренней дифференциации коммуникаторов коммуникативные каналы традиционны и недостаточно эффективны, что способствует ненаучному, мифологическому или идеологизированному восприятию прошлого.

Культурно-историческая память всегда характеризовалась избирательностью, вызванной политическими интересами и идеологическими установками. Если политизированный образ прошлого отражает и воплощает социально-политическое его видение определенными социальными группами, то мифологический образ отражает идеальные

⁸ Меркулов И. П. Природа эпистемологических знаний и когнитивная наука // Человек. Наука. Цивилизация: К 70-летию академика В. С. Степина. М., 2004. С. 532-533.

⁹ Позер Х. Математика и Книга Природы: Проблема применимости математики к реальности // Человек. Наука. Цивилизация: К 70-летию академика В. С. Степина. М., 2004. С. 178.

устремления и чаяния целых поколений и народов. Мифологическим образам свойственна обобщенность, игнорирование реальных фактов, нарушающих его целостность.

Социальная перцепция как восприятие социокультурных объектов в социокультурном контексте окрашена и направляется эмоциями, мнениями, отношениями, установками, пристрастиями и предубеждениями людей. Безусловно, для социальной перцепции характерны все свойства восприятия как процесса отбора, организации и интерпретации чувственных данных. Образы прошлого, формирующиеся в процессе восприятия, несут информационную нагрузку и играют регулирующую роль в процессе взаимодействия поколений, помогают выстраивать линию поведения по отношению к ценностным ориентациям поколений, переставших играть активную роль в социальной действительности. Изучение структуры этих образов, их объема, компонентов, степени осознанности позволяет представить процесс накопления культурно-исторического опыта, а также категории, эталоны, стереотипы, регулирующие поведение людей.

Вторая когнитивная модель является более сложной по составу коммуникаторов. В качестве основных коммуникаторов рассматриваются культурное наследие, как материальное, так и нематериальное, и граждане государства. Коммуникация носит нелинейный характер: прослеживается обратная связь, воздействие граждан на историко-культурные объекты, которое может быть как созидательным, так и разрушительным. Поэтому в процесс коммуникации включаются историческая действительность, воплощением которой и является культурное наследие, и музей, как социокультурный институт, несущий ответственность за сохранность и актуализацию культурного наследия. Граждане воспринимают историко-культурные объекты посредством разнообразных коммуникативных каналов, что обеспечивает, при посредстве музея, создание более адекватного образа прошлого, нежели в первой модели. Использование таких каналов, как эмоциональное переживание, эстетическое восприятие и рациональная интерпретация формирует художественный и научный образы прошлого, в равной мере способствующие актуализации культурного наследия. Художественный образ основывается на отдельных, наиболее выразительных его фрагментах, типических чертах, символизирующих время. Научный образ прошлого – это своеобразная его реконструкция, результат не только установления фактов, но и выявления необходимой связи между ними, изучение не только структуры явления, но и функционирования его частей.

Третья когнитивная модель подразумевает адекватное восприятие историко-культурных объектов гражданами государства, рассматриваемыми как реальная и потенциальная музейная аудитория. В качестве коммуникаторов выступают материальные и нематериальные объекты (источники), интерпретирующие их музейные работники (музейное сообщество) и музейная аудитория. Модель интерпретируется в рамках источниковедения и психологии межличностного общения, может быть и линейной, и интерактивной, и транзакционной, поскольку оба коммуникатора дифференцируются. В зависимости от дифференциации коммуникаторов дифференцируются коммуникативные каналы, имеющие как вербальный, так и невербальный характер. Эффективность использования разнообразных каналов коммуникации очевидна, что подтверждается опытом музейной педагогики, столь динамично развивающейся в течение двух последних десятилетий.

Эффективной моделью музейной коммуникации становится интерактивная модель, однако область ее применения часто ограничивается детской аудиторией, по отношению

к которой разработаны дифференцированные методики, повышающие когнитивные возможности музейных экспозиций.

Наиболее адекватным с точки зрения предназначения музея представляется создание научной картины прошлого. Оно основывается на интерпретации разных форм отражения фактов действительности – источников, на понимании расхождения факта действительности и факта источника, стремлении отсечь субъективное видение событий прошлого создателем источника. Методика научной реконструкции эффективно используется в фондовой, исследовательской и экспозиционной деятельности музеев¹⁰. Существующие сегодня высокие требования к научной реконструкции оправданы.

Область применения построенных коммуникативных моделей определяется как репрезентация эффективности актуализации культурного наследия и музейной коммуникации. Модели отражают состав коммуникаторов, разнообразие, гибкость и эффективность коммуникативных каналов, позволяют определить существенные факторы, влияющие на процесс коммуникации, дифференцируют факторы соответственно их значимости для познания социокультурной действительности и формирования адекватного образа прошлого.

Применение социологических и социально-психологических методов и методик, планомерное изучение состава музейной аудитории, стадий музейной коммуникации, механизма формирования образов социокультурных явлений в сознании современного человека позволят выработать критерии эффективности коммуникативного акта в музее, понять и объяснить его когнитивную структуру.

Однако выработка критериев эффективности коммуникативного акта невозможна без осознания специфики «языка» музея как языка культуры. Дискуссия о «языке» музея разворачивается в научной литературе с середины XX в. в рамках трех подходов: осознание феномена музея как социокультурного института (феноменологический подход); позиционирование музея в качестве открытой социальной информационной системы, направленной на передачу информации специфическими музейными средствами (информационный подход); трактовка музея как публичного института, сохраняющего и презентующего социокультурные явления посредством знаковых систем (семиотический подход). Таким образом, понятие «языка» музея размывается, может рассматриваться в широком диапазоне от осознания музея как целостной, неделимой структуры до проблем музейного проектирования как основополагающих и исчерпывающих специфику музейной коммуникации. Более строгим представляется понятие языка музейной коммуникации, которое позволяет сконцентрироваться на коммуникативном подходе и рассматривать все формы коммуникации индивидуального и коллективного субъекта с социокультурной действительностью, осуществляемые посредством музея.

Согласимся с Н. А. Никишиным в том, что музейные предметы – это то главное, что составляет «язык» музея, но понимание природы источника, универсальности проблем его интерпретации, иначе – специфика музейной коммуникации, недостаточно освоены представителями музейных профессий. Возразим ему, что музейный предмет – это в первую

¹⁰ Научные реконструкции в современной экспозиционной и образовательной деятельности музеев / Отв. ред. Л. И. Скрипкина М., 2006 (Труды Государственного исторического музея. Вып. 160); *Самарина Н. Г., Веремейко Е. В.* Когнитивные аспекты музейной реконструкции // Обработка текста и когнитивные технологии: Сборник статей. Вып. 18: Когнитивное моделирование в лингвистике: Труды XI Международной конференции (Констанца, 7 – 14 сентября 2009 г.). Казань, 2010. Т. 2. С. 142-157.

очередь источник, который на стадии публичной презентации может интерпретироваться экспозиционером и дизайнером как знак, однако этой стадии предшествует научное изучение и описание в рамках методологии и методики профильной для музея отрасли знания или вида искусств. «При восприятии же «музейного знака» субъект вступает в контакт с подлинным объектом культурно-исторического пространства, воспринимает его «наличное бытие»; в сознании субъекта закрепляется факт непосредственного контакта с реальным, подлинным материальным объектом. Указанная особенность «музейного знака» является основой возникновения в сознании воспринимающего субъекта «эффекта присутствия», «сопричастности» объекту, обозначаемому данным «музейным знаком». Подобный эффект является уникальной особенностью «музейного языка», он не может возникнуть в результате передачи информации посредством любых других языковых систем. С помощью «музейного» языка объекты культурно-исторического пространства обращаются к нашему непосредственному, сенсорному восприятию, и становятся для нас объектами реально ощущаемого подлинного мира, фактом нашего реального опыта»¹¹.

Язык музейной коммуникации – это целостная система текстов, отражающих и воплощающих социокультурную действительность (историко-культурных объектов, источников, музейных предметов). Будучи языком культуры, он обеспечивает передачу накапливаемого опыта от индивида к индивиду внутри данного социума и от поколения к поколению. Языки культуры представляют собой такие способы материального закрепления – кодирования – сохранения – трансляции духовной информации, которые позволяют культуре достигать адресата не только «здесь» и «сейчас», но и в любом месте и в любое время. Средства музейной коммуникации позволяют реконструировать и моделировать на музейном «языке» любой фрагмент пространства и момент времени, разрушая границы пространственно-временной локализации человеческого опыта. Язык музейной коммуникации принадлежит к числу когнитивных систем, организующих восприятие и интерпретацию субъектом социального мира, оказывающих влияние на формирование ценностных ориентаций индивидуального и коллективного субъекта.

Сложность социальной перцепции обуславливает использование при ее внутренней классификации нескольких критериев, в качестве которых выступают способ и эффективность восприятия, его стадии, органы чувств, позволяющие человеку, так или иначе, извлекать информацию из музейных предметов (источников) и историко-культурных объектов, в какой бы форме они ни отражали (воплощали) прошлое.

С точки зрения способов перцепции мы можем говорить о рациональном, эмоциональном и иррациональном восприятии образов прошлого. Рациональное восприятие подразумевает анализ и интерпретацию опыта прошлых поколений, стремление понять причины и следствия как позитивной, так и негативной социокультурной деятельности наших предков. Прошлое предстает как эмпирическое пространство, позволяющее извлекать уроки и прогнозировать будущее. Иррациональное же восприятие подразумевает принятие сложившегося образа на веру, исключает его разумный анализ. Тот или иной образ может восприниматься как знак избранности народа, особого пути социальной эволюции, заданной бесперспективности политических преобразований и т. п. Эмоциональное восприятие, с одной стороны, способствует переживанию (вживанию–вчувствованию) и

¹¹ Пшеничная С. В. «Музейный язык» и феномен музея // В диапазоне гуманитарного знания. Сборник к 80-летию профессора М. С. Кагана. СПб., 2001. См.: http://anthropology.ru/ru/texts/pshenichn/kagan_21.html (ссылка последний раз проверялась 31.08.2013 г.).

более глубокому усвоению опыта ушедших поколений, с другой стороны, интерпретация заметно индивидуализирована и лишена широкого социального контекста. В музейной коммуникации наиболее эффективно сочетание рациональной и эмоциональной перцепции.

Таким образом, проблема языка культуры — это фундаментальная проблема не только наук о культуре, но и человеческого бытия. Осмысливая соотношение языка и времени, Б. А. Успенский представляет исторический процесс как процесс коммуникации, при котором постоянно поступающая новая информация обуславливает ответную реакцию со стороны социума как общественного адресата. С этой точки зрения важен не объективный смысл событий, а то, как они воспринимаются, читаются, то или иное осмысление событийного текста предопределяет дальнейшее развитие событий. В качестве кода при этом выступает язык, определяющий восприятие реальных и потенциально возможных фактов в соответствующем социокультурном контексте. Таким образом текст событий читается социумом.

Разнообразие и сложность языков культуры предполагает различные их классификации в зависимости от того, какой критерий (принцип) положен в их основание. Мы придерживаемся классификации, критерием которой является совокупность функций (в первую очередь коммуникативной, познавательной и смысловой) и формы смысловых единиц языка (слово, текст, символ, знак, артефакт, вещь). В этом случае языки культуры подразделяются на четыре типа (класса): естественные (языки общения народов мира), искусственные (язык науки и другие специализированные знаковые системы), вторичные моделирующие (символические системы мифов, религий и искусства), предметные языки (знаковые системы артефактов, вещей).

Заполняющие семиотическое пространство языки различны по своей природе и относятся друг к другу в спектре от полной взаимной переводимости до столь же полной взаимной непереводаемости. Неоднородность определяется гетерогенностью и гетерофункциональностью языков.

Ю. М. Лотман характеризует музейное пространство как некий идеальный образ культурного пространства, семиосферы: «Представим себе в качестве некоторого единого мира, взятого в синхронном срезе, зал музея, где в разных витринах выставлены экспонаты разных эпох, надписи на известных и неизвестных языках, инструкции по дешифровке, составленные методистами пояснительные тексты к выставке, схемы маршрутов экскурсий и правила поведения посетителей. Поместим в этот зал еще экскурсоводов и посетителей и представим себе это все как единый механизм (чем, *в определенном отношении*, все это и является). Мы получим образ семиосферы. При этом не следует упускать из виду, что все элементы семиосферы находятся не в статическом, а в подвижном, динамическом соотношении, постоянно меняя формулы отношения друг к другу. Особенно это заметно на традиционных моментах, доставшихся из прошлых состояний культуры»¹². Работает не последний временной срез, а вся толща текстов культуры. Все, что содержится в актуальной памяти культуры, прямо или опосредованно включается в ее синхронию. Соответственно музейное пространство обладает всеми признаками семиосферы: бинарностью, асимметрией, неоднородностью, изменяемостью, границей и способностью к самоописанию.

¹² Лотман Ю. М. Семиосфера. С. 253.

Поскольку в качестве культурного текста могут рассматриваться любые знаковые системы, использование и интерпретация текстов намечают пути к преодолению лингвистической ограниченности в изучении языков культуры. К. Гёдель обнаружил, что в любом явлении (в том числе языке), рассматриваемом изолированно, в любой знаковой системе заключены противоречивые основания, которые не позволяют адекватно и исчерпывающе описывать реальность. Для этого необходим «метаязык», восполняющий неполноту. Часто эту функцию выполняет язык из другой знаковой системы, хотя для культуры XX в. характерно стремление к языку интегративному. В процессе социального взаимодействия между текстом и интерпретатором устанавливается семантическое поле. Понимание состоит не только в интерпретации знаковости социокультурной реальности, но и во включенности субъекта в процесс бытия. Понимание не есть конечный результат сознательной деятельности индивида, а внутренне присущая ему способность, его умение адаптироваться к определенной социальной среде в определенный период времени. В работе «Бытие и время» М. Хайдеггер рассматривает понимание как основной модус бытия, а язык как главную и единственную силу в стремлении найти смысл бытия и смысл человеческого существования.

Современное социокультурное пространство формируется многоуровневым пересечением разноязычных текстов, каждый из которых определенным образом воздействует на социокультурную реальность, значит, успех человеческой деятельности зависит от способности людей расшифровывать полифоническую сложность социального бытия, определяется умением использовать в своем поведении многомерность знаковых систем. Таким образом, именно в семантическом поле языка культуры, одной из разновидностей которого является «язык» музея, происходят накопление, оформление в текст, а затем с помощью методов разных наук дешифровка, или раскодирование, информации, заложенной в глубинных структурах культуры и сознания.

Язык музейной коммуникации, будучи языком культуры, обеспечивает передачу накапливаемого опыта от индивида к индивиду внутри данного социума и от поколения к поколению, принадлежит к числу когнитивных систем, организующих восприятие и интерпретацию субъектом социального мира, оказывающих влияние на формирование ценностных ориентаций индивидуального и коллективного субъекта. Сочетание рациональной и эмоциональной перцепции является характерной чертой музейной коммуникации, обуславливает индивидуализированное усвоение исторического опыта в широком социальном контексте.

Информация о статье

Автор: Самарина Наталья Гурьевна – канд. ист. наук, профессор, Россия, Московский гуманитарный педагогический институт.

Заглавие: Музейная коммуникация в контексте культурной памяти и культурного наследия.

Абстракт: Статья посвящена анализу категорий музейная коммуникация и историческая память. В рамках статьи рассматриваются когнитивные модели передачи социокультурной информации и роль музея в этом процессе. Феномен культурного наследия рассматривается в связи с феноменом языка музейной коммуникации.

Ключевые слова: музейная коммуникация, культурная память, культурное наследие.

Information on article

Author: Samarina Natalia Gur'evna – Candidate of Science in History, Professor, Russia, Moscow Humanitarian Pedagogical Institute.

Title: Museum communication in the context of cultural memory and cultural heritage.

Abstract: The article is devoted to the research of the concepts of cultural memory and cultural heritage. There are ideas on few cognitive models of transmission of cultural information and role of museums in this process. Author establishes connection between the phenomenon of cultural heritage and language of museum communication.

Key words: museum communication, cultural memory, cultural heritage.